

ОТЗЫВ

официального оппонента на кандидатскую диссертацию Т. В. Бауэр «Представления и практики, связанные с воровством в крестьянской культуре (по русским, белорусским и украинским материалам середины XIX – начала XX в.)», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология.

Работа Т. Бауэр является качественным исследованием, **актуальным** как с теоретической, так и прикладной точки зрения. Изучена правовая культура российского крестьянства (русских, белорусов, украинцев) середины XIX – начала XX в., т.е. периода социально-экономической трансформации социума в ходе реформ 1861 г. Разработка данной темы дает ценный социокультурный материал для понимания исторической динамики традиционного общества в условиях модернизации в принципе. Это имеет немаловажное значение для многих обществоведческих дисциплин.

Акцент сделан на изучении «неписанных законов» или неформальных «представлений и практик» (обычаев, ритуалов, фольклора, религиозных воззрений), использовавшихся крестьянами в повседневном юридическом быту.

Представленный в работе материал и полученные результаты имеют принципиальное значение для исторической науки, так как общественные явления и процессы прошлого невозможно адекватно интерпретировать, не зная мотивов поведения людей, определявшихся присущей их сознанию «картиной мира», интегральной частью которой является понятие «справедливости». Оно же, в свою очередь, будучи детерминированным как социокультурными факторами, так и историко-психологическими, во многом определяет поведение носителей культуры, предусматривая санкции за нарушение предписанных моделей.

Изучение правовой культуры народа в ретроспективе имеет важное значение и для понимания современных реалий, так как культура (в том числе правовая) изменяется в историческом процессе гораздо медленнее, нежели общество (государственные законы), а поэтому ее носители во многом воспроизводят в новых исторических условиях прошлые поведенческие паттерны. Последние являются не «пережитками», а неотъемлемой составляющей правовой культуры. Они зачастую вступают в конфликт с официальным законодательством, но, тем не менее, поддерживаются общественным мнением, воспринимаются населением как легитимные. Подобное поведение называют сегодня правовым нигилизмом (равнозначным «низкой правовой культуре»), который широко представлен в поведении россиян. Об этом рассуждают юристы, социологи и политологи,

а также нередко на это сетуют высокопоставленные политики, видя в этом причину неэффективности проводимых ими реформ.

Отсюда вытекает **практическая значимость** данного исследования, а именно: вооружить законодателя знаниями, связанными с «юридическим бытом» населения, которые он использовал бы в профессиональной деятельности. В противном случае принимаемые юридические акты обречены стать «мертвой буквой». На это указывают результаты исследований современного крестьянства, проведенные после принятия «земельного кодекса» в начале 2000-х гг. Они показали, в частности, что крестьянские юридические «представления и практики» по-прежнему лежат за пределами «писаного закона» (земельного кодекса), воспроизводя подчас «архаические представления», примеры которых обильно представлены в диссертации.

Также диссидентка посчитала для себя актуальной задачей разобраться в феномене воровства как характерологической особенности «русского национального характера». Она справедливо отмечает, что подобный этностереотип довольно широко представлен в общественном мнении. Похоже, он сформировался во многом благодаря нашим известным соотечественникам (писателям, публицистам, общественным и государственным деятелям), многие из которых, начиная с XVIII века, не преминули высказаться по этому поводу. Их слова стали крылатыми («Ныне, кто не крадет, почитается дураком», - московский генерал-губернатор Ф. Ростопчин), внеся немалый вклад в формирование этностереотипа. Эта «тема», как показала соискательница, представлена и в современных научных исследованиях, в которых, с одной стороны, делается попытка защитить «морально-нравственные устои русского народа», хотя и неубедительно, с другой же, авторы, по сути, солидаризируются с данным этностереотипом.

Решая главную задачу работы по реконструкции правосознания крестьянства пореформенного периода, автор привлекла многообразные **источники**. Отбор и работа с ними свидетельствует о высокой квалификации соискательницы. Были изучены материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева, не только опубликованные, но и хранящиеся в архиве Российского этнографического музея, а также материалы по обычному праву из коллекции С. М. Пономарева из архива РГО. Ценные сведения получены из периодической печати того времени: криминальных хроник газет, этнографических заметок, опубликованных в губернских и областных ведомостях и т.д. Проанализированы фольклорные тексты: пословицы, поговорки, приметы, легенды, предания, мифологические рассказы и пр., из которых взят ценнейший материал об обычно-правовых представлениях и практиках. Изучена церковно-популярная литература,

отражающая религиозный взгляд на воровство. Привлекалась и художественная литература, посвященная различным сторонам жизни деревни во второй половине XIX века (А. Н. Энгельгардт, А. Амфитеатров, А. Стеллинг), что, на мой взгляд, вполне правомерно. Использовались мемуары и записки должностных лиц (т.н. «чиновничья этнография»), близко знакомых с крестьянской юстицией (мировой судья, провинциальный адвокат, волостной писарь), и решения, извлеченные из «Трудов комиссии по преобразованию волостных судов».

Автор дает тщательную характеристику каждому виду источников, выделяя их сильные и слабые стороны для успешного решения поставленной задачи. Скрупулезно собранный и введенный в научный оборот материал, иллюстрирующий «картину мира» российского крестьянства, составлявшего основную массу населения России, может быть с успехом использован обществоведами разного профиля в научной работе.

Новизна диссертации состоит, во-первых, в выборе темы исследования. Впервые «воровство» стало предметом специального этнографического изучения, что важно, учитывая, в том числе, и сложившийся в общественном мнении упомянутый стереотип.

Избранная автором исследовательская стратегия также имеет все признаки новизны. Это антропологически ориентированная методология, выработанная на междисциплинарной основе, с привлечением компонентов этнографии (социально-культурной антропологии), юридической антропологии, социального конструктивизма, семиотики. Подобный подход обусловил не только новизну и оригинальность полученных результатов, но явился вкладом в разработку привлеченных наук. В частности, диссертация внесла известную лепту в разработку концепции правового плюрализма, исповедуемой юридической антропологией. Взгляд автора на правовую материю российского государства известного периода как сосуществование различных правовых порядков (обычно-правового, религиозного, государственного) в рамках единого социального поля, позволил выйти не только на выявление уникальных (этнических) явлений, возникших в результате их взаимодействия, но также универсальных законов, свойственных феномену правового плюрализма в целом.

Например, показано, как взаимодействие обычного и церковного права привело к появлению в правовой культуре российского крестьянства категории *народного греха*. Именно таковым, как свидетельствуют представленные материалы, определялось, например, разбавление продавцом водой водки (с. 28).

Универсальные же закономерности выявляются в процессе сравнения результатов исследования с реалиями Востока, где плюрализм также является характерной чертой правовых систем вследствие заимствования западных форм права. В частности,

повсеместно население не жалует государственные суды, стараясь решать спорные вопросы полюбовно посредством либо обычно-правовых процедур, либо религиозного права. Это отмечается даже в такой высокоразвитой в технологическом и социально-экономическом отношении стране, как Япония. Опять же практически везде в конкурентной борьбе государственный закон проигрывает обычному (или религиозному) праву.

Диссидентка своей работой подтвердила посып антропологии права о том, что обычное право следует считать собственно правом, что с трудом воспринимается юристами. Они утверждают, что обычное право не обеспечено социальными институтами контроля в отличие от писанных законов (кодексов), соблюдение которых контролируется государственными органами. Следовательно, согласно их логике, его нормы могут и не исполняться, а значит, собственно правом не являются, т.к. последние, в отличие от других норм (моральных или нравственных) носят обязательный характер. Обязательность же достигается как раз наличием институтов социального контроля/принуждения.

Т. В. Бауэр обнаружила наличие подобных институтов, эффективно осуществлявших подобный контроль над соблюдением обычно-правовых и религиозных норм. Это и страх наказаний, исходящих от разного рода мифических авторитетов, и боязнь общественного осуждения, воплощенного в категории «позора» и реализуемого в многообразных ритуальных практиках, и «самосуд».

Используя методологию социального конструктивизма, автор пришла к выводу, что обычно-правовая ментальность, свойственная крестьянству, особенным образом интерпретировала «соотносимые с воровством понятия преступления и греха», вследствие чего многие поступки, связанные с тайным хищением собственности «не соотносились с категориями греха и позора и вообще не считались и даже не назывались воровством» (с. 10, 21).

В приведенных материалах отчетливо показано, что правосознание акторов оперировало, прежде всего, морально-нравственными категориями, сформированными логикой магического (мифологического) мышления. В этом мышлении, как известно, одухотворены все предметы окружающей среды, поэтому в нем как бы растворяется сама категория собственности, под которой рациональное мышление понимает отношение человека к вещам, причем выраженное законодательно. Автор иллюстрирует это различие множеством материалов. В частности, как видим, хищения у «чужаков» (в другой деревне) не осуждались общественным мнением и не воспринимались «позорными» (с. 225-226). Подобное отношение к «чужакам» характерно для всех традиционных культур.

Известно также из многочисленных этнографических материалов, что они повсеместно наделялись «презумпцией зловредности», негативным магическим потенциалом. А поэтому и нанесение им ущерба не только не осуждалось «своими», но и наоборот, всячески поощрялось.

Конечно, появление подобной нормы - не только продукт магического мышления, это на самом деле отраженная им объективная рациональность, т.к. именно солидарность первичного коллектива обеспечивала ему выживание. А поэтому и субъектами обычного права были только «свои», где воровство категорически осуждалось.

Отметим еще одну особенность обычного права – это его коллективный характер, индивида как социально-правового субъекта не существовало. Поэтому ущерб, в том числе и посредством хищений, нанесенный индивиду всей группой, частью которой он являлся, расценивался как нанесенный всем ее членам. Обычай требовал ответной меры, а лицо, совершившее хищение в расчет не принималось, ответственность несла вся группа (род, клан).

Не осуждались, как видно, из диссертации и кражи у «богатых», включая представителей собственного сословия, обеспечивших экономическое благосостояние своим трудом. И здесь «богатство», в соответствии с логикой магического (мифологического) мышления, расценивалось скорее негативно, а его обретение связывалось с «нечистой силой». Отмечу, что данный феномен не является этническим, он скорее обусловлен эволюцией психологических процессов. В Африке наблюдалась аналогичная картина, а именно: «разбогатевший» общинник, даже вследствие сбора хорошего урожая со своего участка, чтобы не быть обвиненным в колдовстве, был вынужден устроить деревенский праздник («проставиться»).

Эта норма на самом деле также имеет рациональный подтекст. В частности, докторантка справедливо объясняет данный феномен уравнительными тенденциями, свойственными общине. Действительно, любое преуспевание кого-либо в какой бы то ни было сфере, всегда расценивалось в качестве угрозы благосостоянию общины в целом, по логике, если у кого-то прибыло, у других станет меньше. Поэтому «кулак» заедал «мир», а долгожитель «чужой век», и к тому и другому отношение общинников было негативным. Вследствие этого и хищения имущества у богатых не осуждались, более того, поощрялись, а «воровство» рассматривалось как инструмент восстановления Божьей справедливости. В соответствии с той же логикой, как видно из работы, не считалось не только воровством, но и «грехом», если присвоение вещи осуществлялось не в целях наживы, а для выживания.

Не считались воровством, как видно, и незаконные порубки в барском лесу, что опять же было обусловлено трактовкой магическим мышлением отношений собственности. Лес выступал в нем «Божьим даром», и никто кроме него не мог им владеть. Собственность на Землю опять же повсеместно на Востоке воспринимается с трудом и сегодня, включая кавказские регионы РФ, где, как известно, институт частной собственности на землю, принятый новым земельным кодексом, был отложен на 49 лет. В культурах данных народов земля жестко ассоциируется с культом предков, которые и являются ее реальными собственниками. Естественно, ее купля/продажа расцениваются как кощунство.

Представленные диссиденткой материалы и выводы работы, по сути, убедительно опровергают представления сторонников «примордиальной порочности русских». Приводимые же условными оппонентами аргументы, которые на первый взгляд и могут показаться весьма достоверными, на самом же деле отражают совсем иную социокультурную реальность, а поэтому привлечение их в качестве сравнительного материала не может считаться корректным. Например, приводится следующая точка зрения: «...английскому наивному сознанию несвойственно позитивное отношение к воровству в принципе... Англоязычная специфика понимания воровства состоит в полном его неприятии, в четко выраженной идее преступности этого явления...» (21).

Вспомним, что Англия является родиной «прав человека» («Билль о правах», 1689 г.). Славная революция и принятие данного Билля могло произойти только в стране с высокой степенью социального индивидуализма, что неизбежно связано с десакрализацией мировоззренческих установок, включая рационализацию представлений о собственности, маркером которых является в том числе их законодательная форма. Все это полностью противоречит логике магического мышления, которым руководствовалось российское крестьянство, что отчетливо показано в диссертации.

Пожалуй, единственным недостатком, или, скорее, оплошностью, которую бы я отметил, является то, что диссидентка вообще ввязалась в упомянутую дискуссию. Представленная ею картина приоритетов крестьянского правосознания в известный период не может служить для условных оппонентов достаточным аргументом, так как правомерно с их стороны суждение: «Да, многие тайные хищения у русских воровством не считались, а, следовательно, не осуждались, хотя у всех “нормальных” все было с точностью наоборот!».

Чтобы аргументировано вести дискуссию по данному предмету необходимо привлечь разработки в области изучения магического (мифологического) мышления, прежде всего, исторической психологии (Л. С. Выготский, А. Р. Лuria, Б. Ф. Поршнев и

др.), в области юриспруденции, касающейся права собственности, экономической науки, затрагивающей непосредственно категорию собственности. Необходимо также привлечь сравнительные материалы, касающиеся данного сюжета по другим традиционным культурам, сопоставить их с «наивной картиной мира» этнических групп Запада, в глубокой древности унаследовавших многое, включая право, из Древнего Рима. В общем, это огромный труд, который невозможно было осуществить в данной работе.

Представляется, что главная цель исследования достигнута, а поставленные задачи решены. Диссертация содержит все признаки новизны, а выводы адекватны поставленным цели и задачам. Думаю, что диссертация должна быть преобразована в книгу, которая вызовет интерес у широкого круга читателей.

Автореферат полностью соответствует содержанию, логике и выводам диссертации.

Диссертационное исследование Бауэр Татьяны Владимировны «Представления и практики, связанные с воровством в крестьянской культуре (по русским, белорусским и украинским материалам середины XIX – начала XX в.)» отвечает квалификационным требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, и соответствует требованиям «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года №842 (в редакции от 1 октября 2018 г.).

Бауэр Татьяна Владимировна заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология, антропология.

Бочаров Виктор Владимирович, доктор исторических наук (шифр спец. 07.00.07 – этнография, этнология и антропология), профессор кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (почтовый адрес: 199034, СПб, Университетская наб., 7/9, тел. [812] 328-95-17, e-mail: victana2007@rambler.ru).

Подпись

ПОДПИСЬ РУКИ

Бочарова В.В.

УДОСТОВЕРЯЮ

ешиг-т по кандидату
Бочарова В.В. Чуркин



27.09.2019